

А.П. Якубовский

**Аргус-12 Космический
блюстител**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А.П. Якубовский
А11 Аргус-12 Космический блюститель / А.П. Якубовский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 78 с.

ISBN 978-5-458-04076-1

ISBN 978-5-458-04076-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© А.П. Якубовский, 2014

Аскольд Павлович
ЯКУБОВСКИЙ
АРГУС-12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСНЫЙ ЯЩИК

1

Шел дождь. Капли его в слепящей голубизне прожекторов казались летящими вверх.

Будто густые рои варавусов.

А их-то на площадке и не было. Ослепительный свет отбросил ночную жизнь Люцифера в темноту, что так густо легла вокруг.

Дождь лил... Вода текла на бетон, был слышен ее громкий плеск.

Я наблюдал, как грузят шлюпку.

Первым принесли Красный Ящик.

Я произнес формулу отречения, снял Знак и положил его в Ящик — тот мгновенно захлопнулся. И тотчас же около него стали два человека. Подошел коммодор, приложил руку к шлему, а те двое нагнулись, взяли Ящик и понесли по трапу.

Вдоль их пути стал, вытянувшись, экипаж ракетной шлюпки.

Я отошел.

Вода стекала с шлема коммодора, бежала по его лицу. Вода блестела на костюмах экипажа, на их руках, лицах.

Голубой блеск воды, сияние, брызги, искры...

Прожекторы лили свет, и людей на площадке было много. Но никто не смотрел на меня, хотя всего несколько минут назад я был Звездным Аргусом, Судьей и имел власть приказывать Тиму, этим людям, коммодору «Персея». Всем!

Еще несколько минут назад я был частью Закона Космоса, его руками, глазами, оружием. И вот пустота, ненужность. И показалось — был сон. Сейчас Тим подойдет, хлопнет меня по плечу. Я проснусь и увижу солнце в решетке жалюзи, и Квик подойдет ко мне и станет лизаться.

Но это был не сон. Люди еще не смели глядеть мне в глаза. Я еще был стоглазым, недремлющим Аргусом — в их памяти.

Все ушло...

Жизнь моя — прошлая — где она?.. Где ласковая Квик?.. Где мудрый Гленн? Где я сам, но только бывший?..

Они ушли — Гленн, Квик, я, — ушли и не вернутся.

Ничто не возвращается.

...Ящик унесли. На это смотрел Тим, глядели колонисты. Боль-

шие глаза Штарка тоже следили за Ящиком. И хотя я не видел его рук, спрятанных за спину, я знал — на них наложена цепь. Мной.

Ящик унесли. Коммодор обернулся и с сердитым лицом отдал мне честь. Махнул рукой. И тотчас другие двое увели Штарка. И уже сами вошли переселенцы.

Они поднимались по скрипящему трапу, понурые и мокрые от дождя. Входили молча. На время установилась тишина. Стих водяной плеск. Я услышал далекий вой загравов и тяжелые шаги моута (он топтался вокруг площадки, и время от времени скрипело дерево, о которое чесался монт). Снова вой, снова тяжелые шаги. И чернота ночи, хищной и страшной ночи Люцифера. От нее отгораживали нас только столбы голубого света. Но сейчас ракета взлетит, огни погаснут, и будет ночь, страх, одиночество.

Будет Тим и его собаки.

Погрузили ящики с коллекциями Тима — все сто двадцать три. Подняли трап. Старт-площадка опустела.

С грохотом прихлопнулся люк. Налившаяся на него вода плеснулась на мои ноги. Сейчас они улетят, Аргусы улетят в Космос. А я остаюсь один, сколько бы Тимов и собак вокруг меня ни было.

Улетают — а я остаюсь, брошенный, несчастный, одинокий Аргус. Это обожгло меня. Я рванулся к люку.

Я подбежал и, не достав, ударил кулаком по маслянисто-черному костылю, на который опиралась шлюпка. Ударил и опомнился от боли, вытер испачканный кулак о штаны. И отступил назад. Тут-то меня и схватил Тим. Он держал меня за руку и тянул к краю площадки.

Я пошел.

За нами двинулись собаки.

Мы сошли вниз с площадки — теперь на ней стояла только ракета. На носу ее, метрах в двадцати пяти или тридцати над землей, горела старт-лампа. Красные отблески ее стекали с ракеты в водяных струях.

Завыли стартеры. Их вой был пронзителен и тосклив. Стопная ракетная лодка выла и стонала, стонала, стонала. Такого переизбытка тоски я даже не смог бы вместить в себя.

Ракета стояла среди голубых столбов света, стонала и выла. Казалось, она звала кого-то, звала подругу, чтобы только не быть одной.

Люцифер стих перед этим железным воем. Никто здесь не мог тосковать и кричать так страшно. И я впервые думал о металле с состраданием, как о живом.

Боль и усталость металла... Я понял их. Я вспоминал железные

скрипы перегруженных ракет, плач металла под прессом, стоны конструкций. Разве боль не может обжигать молекулы самого прочного металла?

«А ну, кончай жалобы, ударь кулаком!.. Грохни!» — приказывал я ракете. Включили двигатели. Люцифер затрясся под нашими ногами от их работы.

Собаки прижались к нам.

Шлюпка выпустила раскаленные газы. На их белом и широком столбе она приподнялась и неохотно, туго вошла в воздух.

Замерла, повиснув, словно раздумывая, лететь или остаться.

И вдруг рванулась и унеслась. А мы остались внизу, опаленные сухим жаром.

Мох, сумевший вырасти среди плит старт-площадки, горел.

Грохот шлюпки умирал в небе. Теперь ей надо идти на орбиту, к шлюзам «Персея»: там будет их встреча, там кончится ее одиночество. А мое?

Я долго ничего не слышал, кроме застрявшего в ушах грохота шлюпки. Наконец стали пробиваться обычные звуки: рев моута, лязг панцирей собак, пробные крики ночников.

Испустив крик, они притаивались, проверяли, нет ли опасности. Я услышал дождь, вдруг припустивший. Прожекторы гасли один за другим. И ударил хор ночников.

Они пели, свистели, орали, били себя в щеки — словно в барабаны.

Они квакали, трубили в трубы, визжали, гремели в железные листы.

Звуки нарастали, становились нестерпимыми для слуха ультразвуками.

Я зажал уши. Собаки зарычали. Тим выругался и выстрелил вверх. От вспышки и грохота выстрела ночники притихли.

— У меня что-то с нервами, — сказал мне Тим и лязгнул затвором ружья.

— Пойдем домой, — предложил я. — Я тоже устал.

— Еще бы не устать, — сказал Тим. — Ого! Теперь с месяц ты будешь как вареный. Ног не потянешь. Еще бы, могу себе представить. Конечно, устал... Здравствуй, красавец!

Он включил настольный фонарь. Свет его уперся в морду мота.

Тот стоял, положив ее на тропу и раскрыв пасть, широкую, как ворота. Его глаза были склеротически красные, подглазья обвисли большими мешками и подергивались, слизистая рта белесая и

складчатая.

По коже его ползали белые ночники. Тогда я включил свет вдоль дороги от старт-площадки к дому. Посаженные тесно, как грибы, вспыхнули лампы. Ярко. Моут шарахнулся. В темноте затрещало сломленное им дерево и стало медленно падать. Вот ударилось, захрустело ветками, легло...

Теперь мы могли безопасно идти — световым коридором.

— А ты прав, — сказал мне Тим. — Со светом оно спокойнее.

И мы пошли. Собаки загромыхали в своих скелетного типа панцирях. Псы были чертовски сильны мускулами этих аппаратов. Пока шли, стих дождь и небо прояснилось. В разрывах туч выступали звезды. Где-то среди их мерцания был «Персей». Шлюпка, наверное, уже в шлюзах звездолета. Должно быть, сначала из нее вышел угрюмый коммодор, затем вынесли Красный Ящик и вывели Штарка.

А за ним шли неудачливые колонисты — с чемоданами и свертками в руках.

Их скоро высадят на материнской планете и будут презирать до конца их серой, ненужной жизни. А Люцифер станет ждать следующих колонистов еще несколько месяцев, лет или несколько десятков лет.

Тим и собаки ушли в дом. Я остался во дворе.

Я стоял и искал «Персея». Еще час назад, Аргусом, я свободно видел его. И вот теперь не могу. А с колонией покончено, это ясно. Мало людей в здешнем секторе. Но где же звездолет? Где? И тут я увидел его.

Небо — ударом — наполнила световая вспышка. Звезды исчезли — в небе загорелось новое солнце. На Люцифер легли глубокие дрожащие тени. Двигатели «Персея» работали.

Тени сдвинулись, и я понял — звездолет летит, несет в другой сектор переселенцев и Штарка. Видя движение этого солнца, я гордился. Мы, люди, удивляли себя своей мощью. Мы смогли сработать «Персей» и создать Закон Космоса. Кто нам мог препятствовать? Только мы сами.

За «Персеем» расходился светящийся конус. Пять дней моей жизни уносится со звездолетом — меньше недели назад Красный Ящик прибыл сюда на ракете «Фрам».

Да, это было всего шесть дней назад.

...Капитан Шустов с двумя людьми вынес из ракетной шлюпки и поставил ящик с регалиями и оружием Аргуса на площадку. И встал рядом, широко расставив ноги, держа руку у шлема. Его люди

положили руки на кобуры пистолетов. С угрюмым любопытством они смотрели на нас.

Мы с Тимом встречали их. Пахло гарью. На боках шлюпки были вмятины, люди устали. Я глядел на них, работяг Космоса, глядел на Красный Ящик. И ощущал невольную дрожь...

Это был восторг первой встречи, свидания, не знаю чего еще.

2

Тим — сумасшедший работник. Ночь, а он сидел за столом и работал.

Он писал — как всегда. Очки он где-то забыл и писал, вода носом по бумаге, обметая ее бородой.

Писал жирным карандашом, крупными буквами, чтобы видеть их свободно. Потом он станет читать свои заметки, дополняя их по ходу чтения подробностями и соображениями. Я принял душ, переоделся, прилег. Тут же поднялся. Я ходил и пытался освоиться с положением. Я хотел вернуться в прежнюю свою жизнь и не мог. Словно бы утерял ключ и стоял, уткнув нос в белую дверь, крепко запертую.

Дверь твердая и холодная...

Кто поможет мне?..

Тим?.. Ники?..

Ники стоял рядом — многолапый робот, мой покровитель, почти друг, и моргал огнями индикаторов, улавливая мою смуту.

— Хочу стать прежним, стать прежним, — твердил я.

Но где-то глубоко в себе я все еще был Аргусом и Судьей. Я преследовал Зло и размышлял о нем, холодея от негодования.

— Хочешь есть? — спросил Тим и ответил: — Конечно!.. По-кормлю-ка я вас каким-нибудь кулинарным ископаемым.

Он поднялся, стал готовить еду (и диктовать машине). Он ходил между столами и плитой и диктовал. В то же время готовил ужин: налил воды, чайник поставил на огонь; вынул из холодильника два куска мяса и бросил их на сковородку. Но теперь эта готовка на ощупь не смешила меня, как раньше.

Я тоже ходил мимо полок со строем банок. В них — образцы. Я помогал собирать их, рискуя собой. Но какая это, по сути, мелочь.

Тим диктовал:

— «...Отмечается появление биомассы типа С №13 (неоформленной, подвижной). Изменения в ней вызваны, по-видимому, передачей генетической информации от уже оформленных объектов. Отмечаю также бурное образование химер. Интенсивность биоожиз-

ни этой планеты не сбалансирована, и биомасса производится в чрезмерном изобилии. Я мог бы сказать при наличии демиурга (он усмехнулся и подмигнул бумаге), что данное божество впало в творческое неистовство». Какой бы ты хотел суос?

— Все равно.

— «... Мы можем оказывать на биомассу типа №13 направленное воздействие, — диктовал он. — Применяя гамма-излучение и препараты Д-класса, вызвать нужный нам эволюционный параллакс планеты. Но лучше использовать Люцифер как склад генетических резервов. Также намечается решение вопроса антигравитации».

...Сковородка трещала, он топтался и бормотал, собаки, положив головы на лапы, смотрели на меня своими прекрасными золотыми глазами. Доги, огромные черные псы. Взгляд их спокойный. У них желтые брови и морды, ласковые к нам глаза, мощные лапы.

Я почмокал — они вильнули хвостами. Я подошел к зеркалу и стал искать в себе признаки Аргуса — уширенный лоб, бледность кожи и невыносимый блеск глаз. Но мог отметить только свою чрезвычайную худобу. Кожа лица воспалена, глаза устали. И Тим выглядит плохо, и собаки кожа да кости.

Вот три их опустевшие лежанки.

Досталось нам всем, крепко досталось.

Я кривляюсь у зеркала, пытаюсь вернуть прежний блеск глаз, и не могу. Но вижу-за неделю я постарел. У глаз легли морщины. Они узкие, как волос, эти морщинки всезнания. Губы... Здесь еще жесткая и горькая складка Судьи. А еще во мне сознание — я прикоснулся к чему-то огромному, словно бы летал без мотора или вспрыгнул на пик Строганова.

Тим диктовал:

— «... Планета требует ученых типа классификатора. Для творца Гленна время еще не пришло. Законом работы...»

Я думал: братья Аргусы, звездные Судьи... Сколько времени еще я мог быть с вами?.. День?.. Неделю?..

И сейчас объем знаний Аргусов разламывает мою голову. Они гложут, грызут мозг. Забудутся ли они? Войдет в меня прежний мир? Зачем я согласился? Но те, кого выбрали Аргусы, не могли отказаться. Такого случая не было, Аргусы его не знали. Иначе они бы сказали мне.

Да и не отказался бы я, даже сейчас, все зная.

— «... И запальные в смысле генетики организм». Готово, садись!

Тимофей снял сковородку, понес к столу и поставил на бумаги.

Я ощутил в себе сильно изголодавшегося человека. Мне захотелось есть сокрушительно много.

Тим ставил тарелки, разливал чай в большие чашки.

По обыкновению, он болтал за едой. Жуя, запихивал себе в рот огромные куски. Подошли собаки, положили морды на край стола. Тим бросал им кусочки мяса и обмакнутого в подливку хлеба.

Похудели, бедняги. Тим отощал, у собак до смешного заострились носы. Они плоские, словно долго лежали под ботаническим прессом.

— Ты понимаешь, — говорил, жуя и давась, Тимофей, — мы с тобой уникальные люди. Я имею честь быть универсалом-ботаником, зоологом, этологом, дендрологом, чертезнаетчемологом. Ты затесался в Аргусы благодаря этой каналье Штарку. Силен мужик... Нам с тобой, по сути дела, надо писать мемуары.

Он захохотал, взял горсть сахара и, повелев: «Терпеть!», положил на носы собак по кусочку. Те, скосившись на сахар, недвижно и серьезно ждали разрешения есть его.

— То, к чему ты прикоснулся, — втолковывал Тим, — огромно. Аргус! Подумай сам, сколько бы ты мог еще быть им без опасности смерти?.. Неделю? Думаю, что три дня. А там истощение протеинов, анорексия и т. п. Хоп! (Собаки подкинули и схватили кусочки.) Но ты должен хранить память о прикосновении к чему-то титаническому.

...И у меня такое же бывает, когда я в одиночестве обзираю здание науки. (Он покраснел.) Ощущение, что я коснулся огромного, лезу на снежный пик. Слушай, может, нам махнуть на север, освежиться и поохотиться? Все же полюс, снега, мохнатое зверье. А?

— Посмотрим, — сказал я, думая, отчего он повторяет мои соображения.

А звучало бы: «Воспоминания Аргуса-12». Вспомним, вспомним... Итак, прилетел «Фрам», абсолютно неожиданный. Он скинул на Люцифер ракетную шлюпку.

Аппаратура наша разладилась в грозу, мы не приняли сигналов и копошились во дворе.

Было ясно, Люцифер просматривался на большем расстоянии. Вдруг из солнечной голубизны ринулось, гремя и пуская дым, длинное тело. Люди! Ракета! Мы с Тимом (и собаками) лупили к площадке во весь дух. Одеться толком не успели, бежали налегке. Затем капитан Шустов, Ящик из красной тисненой кожи. Обряд Посвящения и все остальное.

Я — АРГУС

Аргусы говорили мне — Обряд возник давно. Утверждали — истоки его терялись во времени. Я же знаю — и Обряд, и Аргусов родили достижения техники и изобретательность сильных человеческих умов.

Смысл Обряда был велик. Среди чужих солнц в пору редкого движения ракет (путь их рассчитывался по секундам) правосудие обездвигало, а Закон изменился. Преступлением против Закона Космоса были и редчайшие отказы в помощи одних людей другим, когда жизнь и тех и других балансировала на острие и приходил соблазн сохранить одну жизнь за счет другой.

Нарушением (и преступлением) Закона становилось угнетение инициативы

— ею двигалось освоение новых планет.

Непрощаемым Преступлением считали то, когда в страхе (или гордыне) человек сметал чуждую ему биожизнь с открытой планеты и творил новую — из машин и железа. Так же расследовали катастрофы. Это Аргусы нашли утерянный звездолет «Еврипид», они же разыскали исчезнувшую экспедицию Крона. Последнее было трудно, в том секторе нашлась только малая спасательная ракета. И Аргус, служитель Закона, рискнул собой и сделал нужное.

Исполнение Закона поручалось человеку, который был на той же самой планете (или в том же звездном секторе), где случилось Зло. Это обычно был человек бесхитростный, полный благожелательности (другого бы не допустили к Силам, подчиненным Звездным Аргусам).

Человек этот сталкивался с космически сильным Злом (пример с Генри Флинном, сошедшим с ума и единолично пиратствовавшим в секторе 1291 «А»).

Необходимость рождала необычайные изобретения — любой человек мог бороться со Злом, каким бы оно ни было сильным, — остальные люди занимались неотложными работами.

Ящик красной тисненой кожи вмещал в себя все необходимое. Его везли туда, где случалось Зло (легенды говорят — он и сам перемещался в пространстве).

Тот, на кого падал выбор, становился Судьей и Аргусом. Он преследовал Зло, побеждал его, судил, карал...

Иногда Аргус погибал, но Закон шел твердым и четким шагом по этим безлюдным планетам. И мне хотелось идти, искать, гибнуть и торжествовать. («Меня, бери меня», — подсказывал я Красному Ящику.) Шустов снял шлем и вытер лоб. Лицо его было озабоченным.